

Мужик

Михаил Кликин

— Анна! Поди сюда! Анна! — кричала старая Агафья в завешенное пожелтевшим тюлем окно с растрескавшимися наличниками. Никто не отзывался. Она постучала сухим кулачком в дребезжащее стекло и, прильнув к нему лицом, заглянула в избу. Но толком ничего там не разглядела и вновь закричала: — Ты спишь, что ли? Выдь на минуту! Анна, эй!..

Было раннее августовское утро. Опухшее розовое солнце нехотя поднималось над далеким лесом. По земле стелились седые полотнища тумана, цеплялись за кусты, за изгороди, стекали в низинки, завивались локонами под ленивыми порывами только что проснувшегося ветерка. Стояла прозрачная тишина. Лишь где-то вдалеке считала чужие годы кукушка да четыре деревенских петуха устроили привычную утреннюю перекличку. Не мычали коровы, не блеяли козы, не тявкали собаки — деревня умирала, доживала последние годы, постепенно кончаясь от старости.

Когда-то здесь было почти сорок дворов, стояла церковь, в тридцать шестом году разрушенная большевиками. В свое время была в деревне и каменная двухэтажная школа-шестилетка, построенная советской властью, и свой медпункт, и почта, и телятник, и птичник. Теперь же все заросло крапивой да иван-чаем, чиканом да лебедой. Ломались под собственной тяжестью стропила, проваливались крыши, рушились пустые дворы. И только бревенчатые срубы, с головой заросшие дикой травой, еще стояли, не сдаваясь неумолимому времени. Казалось странным, как в этом забытом уголке еще живут четыре дома, четыре избы. Невероятно, но в затерянной деревне еще как-то жили четыре старухи...

Агафье было зябко. Она плотнее запахнулась в рваную телогрейку и поправила серую шаль, наброшенную на плечи.

— Померла ты там, что ли, прости, Господи? — пробормотала она и вновь постучала в низкое окно.

Занавеска отдернулась, и в окне возникло худое старушечье лицо, изрытое глубокими морщинами.

— Чего барабанишь? — глухо донеслось сквозь стекло.

— Мужик-то у тебя?

— Нет его. В лес ушел ни свет ни заря. — Анна со стуком распахнула облупленные рамы. — А почто он тебе?

— У колодца ворот сломался. Сделать бы надо. Ручка лопнула. Чуть меня не зашибла. И ведро-то теперь не достанешь.

— Нет его. В лес ушел, — повторила Анна и пригласила: — Может, заглянешь, соседка?

— Идти бы уж надобно... А как появится, ты его попроси.

— Ладно.

Они помолчали немного. Агафья не торопилась уходить — присела на завалинку, сунув мерзнувшие руки в карманы. Анна наполовину высунулась из окна, ветер перебирал ее седые космы, вплетая в них невесомые нити августовской паутины.

— Опять к железякам своим ушел? — спросила Агафья.

— Ага. В лес.

— И зачем они ему?

— Машина это его.

— А ты-то откуда знаешь?

— Знаю. Он сказал.

— Так он же немой.

— Немой, немой! — передразнила Анна, но пояснять ничего не стала.

Художник Е. Силина

Они вновь замолчали, греясь в лучах нежаркого утреннего солнышка.

— Станный он у тебя все-таки.

Анна ничего не ответила.

— И крыльцо бы мне подделать надо, — вспомнив, продолжила Агафья. — А то совсем уже сгнило. С водой боязно ходить, не дай Бог, сломается под ногой, так всю оставшуюся жизнь и пролежишь... Скажи уж ему и про крыльцо, ладно?

— Ладно...

— Что бы мы без него делали? Какой ни есть, а все мужик. Пособить чего, принести. Матрене, вон, крышу дранкой перекрыл. Огород копает... — Агафья вздохнула, выдержала паузу и повторила: — И что бы мы без него делали?

— Уйдет он скоро, — сказала Анна.

— Как уйдет? — всполошилась Агафья.

— А вот так. Сделает свою машину и уйдет.

— Как же так? А мы?

— Жили же раньше...

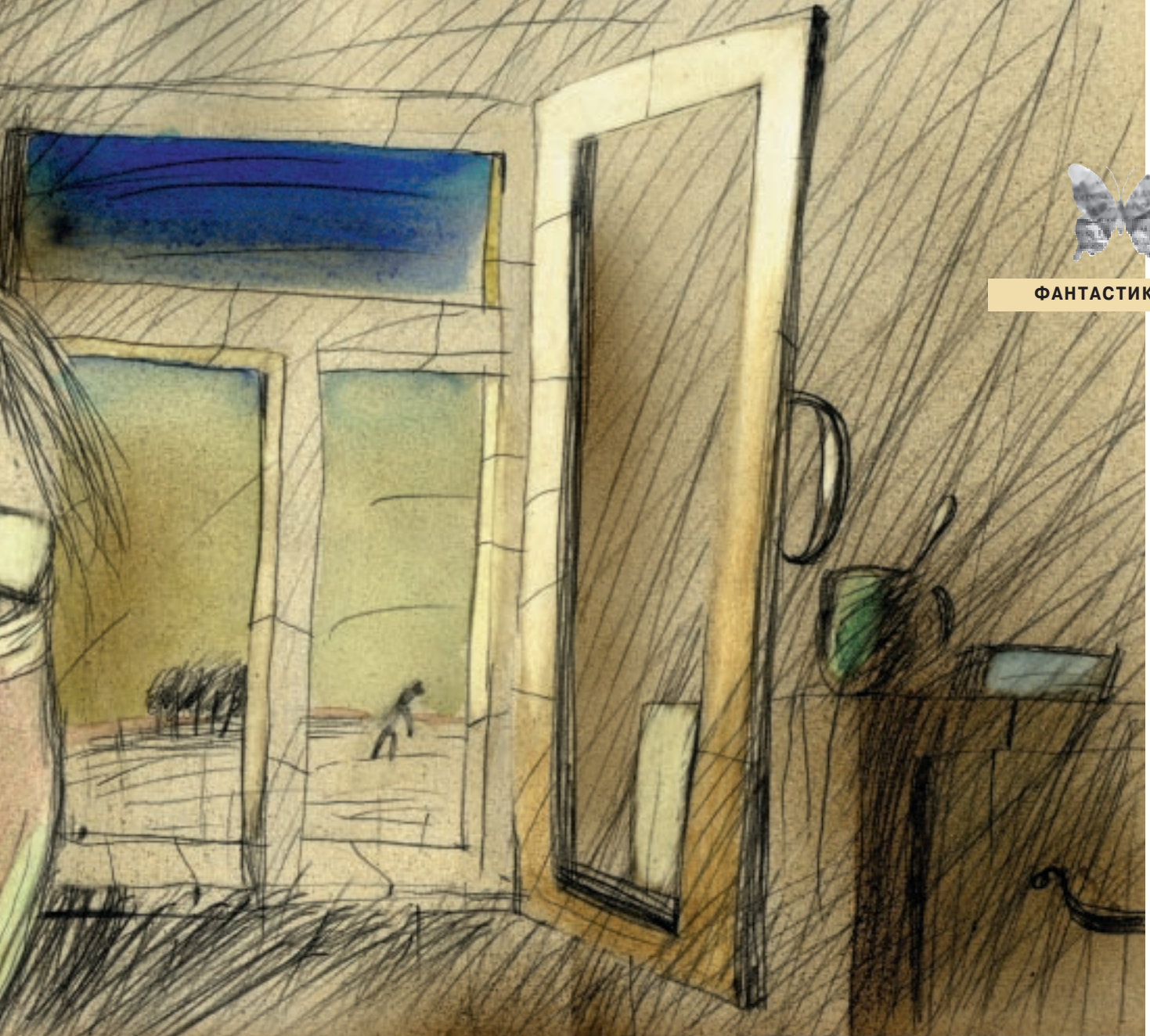
Агафья сердито пожевала губу и заявила:

— Сжечь ее надо! Чтоб уже нельзя было сделать!

— А как ты ее сожжешь? Это же железяка.

— Надо же! Уйдет! — Агафья возмущенно потрянула голо-

вой. — Экий!.. Уйдет!.. Без мужика нонче нельзя. Никак нельзя.

— Так ведь жили же...

— Жили! — фыркнула Агафья.

Солнце поднималось все выше. Истаял туман.

Анна вспоминала, как однажды ночью прогремело что-то на улице, в небе, и избу залило ярким светом. И потом в лесу затрещало страшно и гулко, заметалось дробящееся эхо... А утром на огороде нашла она чудного полумертвого человека, испугалась тогда, но приволокла к себе в дом, сама не зная зачем, и все поила его водой и утирала ему капли пота с высокого серого лба. И как открыл он глаза и сказал что-то странное... Нет, не сказал, губы его не шевелились, и слов не было, но как-то же она поняла, что он хочет сообщить ей что-то...

— А вон и он возвращается! — сказала Агафья и заторопилась: — Ты уж скажи, а то мне неудобно. Я и говорить-то с ним не умею. Про колодец и про крыльцо не забудь. Ладно?

— Ладно-ладно. Иди уж. — Анна махнула рукой. — Скажу.

Агафья, шаркая негнушимися ногами, пошла было к своей избе, заспешила, но, не сделав и пяти шагов, обернулась вдруг и сказала жалобно, просительно:

— Слышь, Анна. Ты уж его как бы удержала. Придумай хоть чего! Как же мы теперь без мужика-то будем? А? Помирать только и останется. Может, ему надо чего. А? Мы уж... — Она мгновение помедлила, заглядывая в глаза соседки, затем отвернулась и пошла прочь.

Агафья осторожно поднялась на предательски поддающиеся под ногами ступени высокого крыльца и остановилась, из-под руки заглядывая в сторону еще невысокого солнца. Там, направляясь из леса к деревне, возвращался домой чудной Аннин мужик. Ковылял на коротеньких кривых ножках, сам маленький, словно подросток, нескладный, какой-то убогий. Большая голова на тоненькой шее, узкие плечи, длинные руки. Одет в свою неизменную серебристую одежду. Глаза большие, ни ресниц, ни бровей. Носа почти не видно, зато рот огромный, словно щель. Десны голые, совершенно беззубые. И на человека-то не похож. Уродец!

Какой-никакой, а помощник. Мужик...

Агафья тяжело вздохнула:

— Уйдет он от нас. Все ушли, и он уйдет.

Она потянула на себя тяжелую дверь и, сутулясь больше, чем обычно, ступила в холодный полумрак своей пустой избы.

Дракон

— Я убил дракона! — во все горло кричал Рамзер. — Выходите, люди! Дракон мертв!

Тишина была ему ответом.

Он потрясал в воздухе окровавленным мечом, и алые капли холодной драконьей крови падали ему на голову и плечи, тонкими струйками стекали по загорелой коже, мешаясь с ручейками горячего пота.

— Дракон мертв! Я убил его!

— Ты лжешь! — крикнул кто-то из темноты избы, из распахнувшегося на короткое мгновение окна. — Лжешь! — Ставни захлопнулись.

— Это правда. На моем клинке его кровь. Я убил его. Туша его лежит и смердит у входа в пещеру. Я вспорол ему брюхо и отсек голову. Я отрубил ему лапы. Я содрал его кожу.

— Ложь! — вновь хлопнул ставень.

Рамзер опустил меч, сел в горячую дорожную пыль. Слепые деревенские дома ждали, чтобы он ушел. Он был для них чужаком. Лживым чужаком.

— Зачем мне врать? — тихо спросил Рамзер. — Я действительно убил его.

— Ложь, — выдохнул кто-то совсем рядом.

— Почему вы не верите мне? — Рамзер поднял голову и посмотрел на подошедшего человека.

— Потому, что до тебя сотни людей утверждали, что убили дракона. — Высокий худой крестьянин смотрел на него с легким укором и какой-то странной жалостью, чуть заметно покачивая головой.

— Но его кровь...

— Они тоже приходили вымазанными с ног до головы холодной кровью дракона.

— Он лежит там. — Рамзер махнул рукой в сторону предгорий, туда, где находилось логово дракона.

— Они тоже говорили так.

— Но... — Рамзер не знал, что еще сказать, как убедить этих странных людей, что дракон мертв. Мертв! — Он мертв!

— Наш дракон не может умереть. Возможно, ты убил какого-то дракона, но эта не наш дракон.

— Какого-то?.. Не ваш?.. Но там был один. Драконы всегда живут поодиночке.

Крестьянин вдруг хрипло засмеялся, раззявив гнилозубую пасть и хлопая себя ладонью по колену. Отсмеявшись, он присел в горячую пыль рядом с воином и сказал поучительно:

— Дракон не может жить в одиночестве. Наш Дракон. Не может. Понимаешь это, чужак?

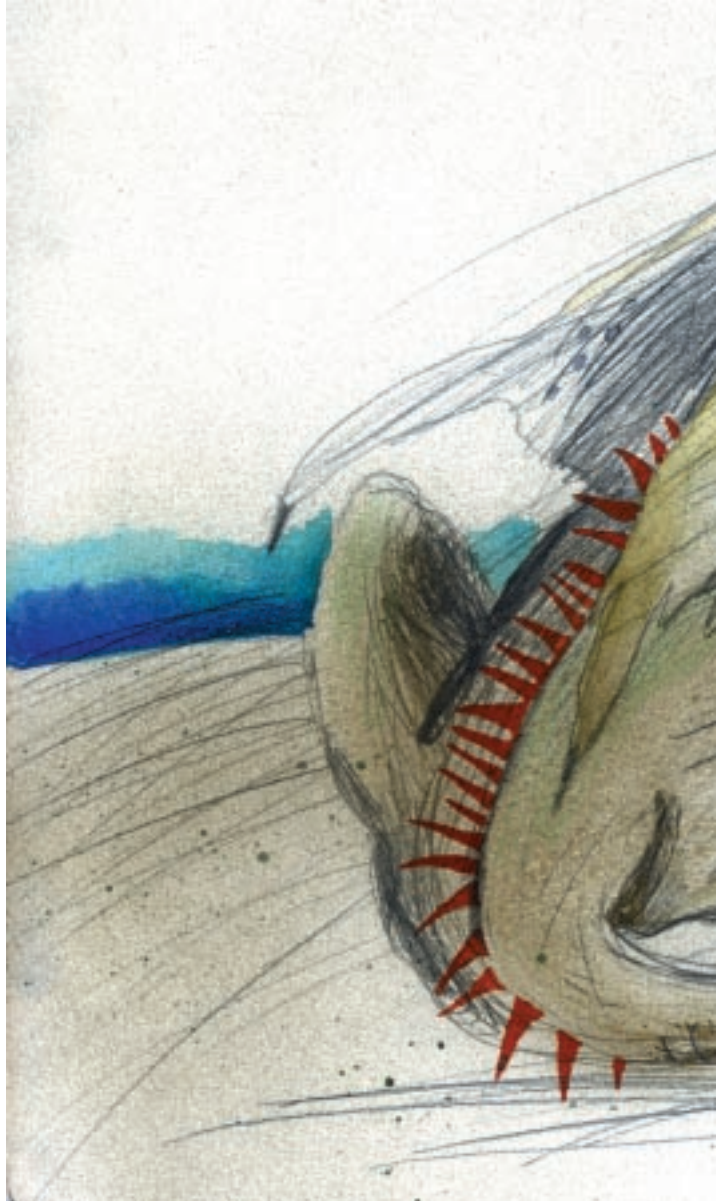
— Нет, — честно ответил Рамзер. — За свою жизнь я убил десяток драконов, я хорошо знаю их повадки и никогда не видел, даже не слышал о том, что они живут семьями.

— Семьями! — восхитился крестьянин и вновь захохотал. — Семьями! Нет, конечно. Он один, но это не значит, что он одинок. Неужели ты не можешь этого понять?

— Стало быть, там остался еще один дракон?

— Нет. Конечно же нет. Там остался дракон. Но он всегда был там. Один-единственный. Вечный. Неуничтожимый. Многоликий.

— Я не понимаю, — признался Рамзер. — Я убил дракона. Я отсек ему голову и снял кожу. Я сделал все, чтоб удостовериться в его смерти. Но ты говоришь...

Художник Е. Силина

— Ты убил своего дракона. Но не нашего. Наш дракон по-прежнему там.

— Не понимаю.

— Никто из чужаков не может этого понять, хотя это так просто. Вот скажи мне, что ты видишь, когда наклоняешься над чистой водой?

— И что же я вижу?

— Отражение.

— Да, конечно. Я вижу себя.

— Не себя. Отражение. И это и есть твой дракон. Ты можешь взмутить воду и уничтожить отражение, но ты не можешь убить своего дракона. Он всегда с тобой. Стоит тебе наклониться над водой — и вот он. Снова здесь. Глядит на тебя из глубины. Только вместе с тобой может умереть отражение. Только твоя смерть может уничтожить дракона. Настоящего дракона.

Рамзер задумался. Тряхнул головой:

— Зачем ты объясняешь мне это? Дракон — это обычная тварь. Огнедышащее летающее животное, а не отражение в воде.

Крестьянин опять засмеялся. На этот раз невесело.

— Ты действительно так думаешь?

— А почему я должен думать по-другому? — пожал плечами Рамзер.

— Неужели ты не ощущаешь холод?

— Вечереет, — признал воин. — Солнце садится.

— Нет, нет. Это другой холод. Холод под кожей, лед в сер-

дце. А кожу на голове стягивает, словно ты окунул ее в ручей, бегущий с заснеженных горных вершин. И пальцы — чувствуешь? — пальцы уже немеют. Они становятся чужими. Не слушаются тебя.

— Я всего лишь очень сильно устал.

— Нет. Ты только что убил своего дракона. Свое отражение. Это себе ты отсекаешь голову и отрубил лапы. Ты вспорол свое брюхо и снял собственную кожу. Твое тело лежит у входа в пещеру и смердит, словно куча свежего навоза. А дракон жив. Настоящий Дракон. Наш Дракон.

Рамзер попытался встать. И не смог. Ноги ослабли, сделались мягкими и не держали его. И пальцы... пальцы на руках онемели, стали чужими, скрючились. Он выронил из рук меч и поднес ладони к глазам, с ужасом разглядывая посиневшую кожу, сквозь которую проступали набухшие черные вены.

— Что со мной? — прошептал Рамзер.

— Ты почувствовал?

— Что это?

— Ты умираешь.

— Почему?

— Потому что ты нашел своего дракона и убил его, вместо того чтобы оставить ему — и себе — жизнь.

— Я... я умираю?

— Да.

— И вы знали, что так будет?

— Мы знали, что если ты убьешь своего дракона, то умрешь.

— И ничего мне не сказали? Не предупредили?

— Зачем?

— Зачем?.. Зачем?.. — прохрипел Рамзер. Не то засмеялся, не то заплакал. — Зачем?..

— Жаль, что ты не узнал в драконе себя. Тогда бы твоя жизнь перевернулась. Тогда ты знал бы, что рядом с тобой всегда находится дракон. Твой собственный. В тебе. И ты сам стал бы драконом. Это... это потрясающе!

Рамзер хрипел. Глаза его закатывались. Почерневшие губы дрожали.

— Что? — наклонился ближе крестьянин. — Я не слышу тебя!

— Ужасен... отвратителен... Он был отвратителен... Я не мог остановиться... кромсал, рубил... Отвратителен!..

— Да. Ведь это дракон. Он не бывает другим. Его надо принимать таким, какой он есть. Ужасным, отвратительным, уродливым. Но ты убил его и потому умер сам.

Некоторое время крестьянин с жалостью смотрел на корчащееся в пыли тело воина, а потом, когда чужак затих, присел на четвереньки и... и стал изменяться. Через минуту он распахнул кожистые крылья, вытянул шею к опускающемуся солнцу и взмыл в небо. Пролетел над крышами деревенских домов, низко, едва не задевая их резные коньки, развернулся над полем и, набрав высоту, направился к предгорьям, затянутым вечерним туманом.

Заклопали ставни. Заскрипели двери. Из изб выходили люди, смотрели вслед улетающему дракону и улыбались.

Никто не обращал внимания на скорченное черное тело, лежащее на дороге.